

А. И. Филлюшкин
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. a.filushkin@spbu.ru
ORCID 0000-0003-2456-7514

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ШЕСТЬ БРАКОВ ИВАНА ГРОЗНОГО? (К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ О ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ)

В статье рассматривается вопрос о причинах заключения многочисленных браков Ивана Грозного. Предлагается гипотеза, что причиной браков было влияние представлений, что христианский правитель не должен быть холостым или вдовым. Влияние этих представлений о великокняжеской власти прослеживается по социальной практике Калитичей, среди которых в момент нахождения на престоле не было неженатых. Понятия о матримониальном статусе царя вытекали из представлений о природе царской власти и социальной практики XIV–XVII вв.

Ключевые слова: Иван Грозный, Калитичи, исторические понятия, понятие о царской власти, жены Ивана Грозного

Исследование выполнено по гранту РФФИ № 24-28-00538:
«Понятия и категории в социально-политическом дискурсе
государств Восточной Европы в Раннее Новое время».

Иван IV вошел в историю как первый русский царь, официально принявший этот титул (1547 г.). Поэтому к его фигуре было приковано особое внимание и современников, и потомков. Своими деяниями он, с одной стороны, воплощал накопившиеся до него представления о природе и характере верховной власти, с другой – задавал некие стандарты и идеалы, каким должен быть монарх. Впрочем, некоторые из них в силу девиантных особенностей Грозного царя стали антиидеалами и антиценностями. Концепция Ивана как «антицаря» звучит в 1580-е гг. уже у Андрея Курбского [Курбский, с. 212, 833] и Пауля Одерборна [Одерборн, с. 261, 297–299].

В числе инвектив часто фигурирует моральное разложение монарха, которое ярко проявилось в его многочисленных браках, которых насчитывается то ли шесть, то ли семь. Да и скончался царь в разгар его следующего сватовства, к англичанке Марии Гастингс, а то и к самой королеве Елизавете, что, по легенде, породило знаменитую злорадную фразу дьяка А. Я. Щелкалова лондонскому послу Боусу: «Умер твой английский царь!» [Любименко, с. 48]. Неприятие британских матримониальных планов царя отложилось в псковском летописании XVII в. В продолжении Псковской III летописи по Архивскому II списку, переписанному с добавлениями в середине XVII в. по приказу сына псковского воеводы В. Н. Собакина, после повествования об опричном погроме Новгорода под 7078 г. помещен пассаж о том, как ливонские немцы «прислали немчина лютого волхва нарицаемого Елисея»¹, который «конечно был отвел царя от веры: на русских людей царю возложил свирепство, а к немцам на любовь преложи». По совету Елисея начались гонения на русскую знать, а царь собрался бежать в Англию и там жениться. Но зловредного волхва убили, «да не до конца будет Русское царство разорено и вера христианская» [Псковские летописи, с. 261–262].

Т. Д. Панова, со ссылкой на С. Б. Веселовского, исчерпывающе точно выразила отношение историков к данному сюжету: «...семейная и половая жизнь царя Ивана настолько неприглядна, что апологеты этого государя предпочитали не углубляться в нее или вовсе обходили

¹ Речь идет о Елисее Бомелии, астрологе из Вестфалии, который пытался прославиться на ниве зловещих пророчеств. В сочинении «Утилитарная астрология» он утверждал, что с каждым государством через 500 лет происходят катаклизмы и в ближайшее время Англия должна сгинуть, поскольку как раз минуло пять столетий с нашествия Вильгельма Завоевателя. За такие речи астролог оказался в тюрьме, откуда его извлек русский посол А. Г. Савин и привез к царю. Бомелий и подал Грозному мысль жениться на Елизавете. Впоследствии Елисей попал в опалу, подвергся пыткам и умер.

этот вопрос» [Веселовский 2008; Панова, с. 166]. Поэтому женам Ивана Грозного посвящена в основном научно-популярная литература, впрочем, написанная (если прибегать к мягким формулировкам) с обильным использованием исторического воображения [Горский; Васильева; Нечаев; Морозова, Морозов].

Однако целый ряд аспектов заинтересовал и ученых-историков. В свадьбах видели прежде всего социальный инструмент, проявление социального лифта, когда за счет родства с царем даже захудалый род мог бы возвыситься [Веселовский 1963, с. 292–301; Kaiser; Мартин; Ерусалимский]. По словам И. Е. Забелина, «Государева женитьба приобретала для всего Двора, для всего правящего общества Москвы великий, самый жизненный смысл» [Забелин 1869, с. 210]. Эта сторона царских женитьб изучена достаточно обстоятельно и подробно, хотя многие вопросы остались без ответа в силу скудости источников.

Мы же в настоящей статье хотим поставить вопрос, который до сих пор не был предметом специального рассмотрения. Собственно говоря, а зачем Иван Грозный женился шесть (семь) раз?

В источниках приводятся следующие объяснения. После смерти Анастасии в 1560 г. бояре и церковный собор стали просить царя вступить в новый брак: «...занеже он государь во юнством возрасте, тех еще лет не дошел, чтобы ему мощно без супружества быти, и он бы государь для кристияньские надежи женился ранее, а себе бы нужи не наводил» [ПСРА, с. 329]. Из слов летописи следует, что молодой тридцатилетний царь не должен быть вдовым.

В поздних текстах появляется другая мотивация второго брака: царь якобы впал в распутство, и единственным способом побороть этот порок оказалась женитьба. Обвинение царя в распутстве после смерти Анастасии («чистоты не сохранил») есть в переписке Грозного и Курбского [Переписка, с. 8, 46, 104], но оно слишком неопределенное (царь мог расценивать свой второй брак как «несоблюдение чистоты», но это не значит, что речь идет о разврате, который надо нейтрализовать легальной женой). Тезис, что сам факт повторной женитьбы был проявлением аморальности, был охотно подхвачен историками начиная с Н. М. Карамзина («...законы пристойности были тогда не строги» – слова историографа о втором браке царя [Карамзин, с. 18]). Но исследователи тут лукавят: второй брак вдовца был распространенным на Руси явлением, в нем не видели безнравственности. Данная трактовка, раздутая публицистами, опирается на фрагмент из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, писавшего, что после смерти Анастасии царь стал «яр и прелюбодейственен зело». Цитата взята из списка Хронографа, на который отсылает историограф [Карамзин, примечания, с. 10, примеч. 28]². Тема царской «ярости», порожденной похотью, появляется в Хронографе редакции 1617 г., и она связана со смертью Анастасии, которая положительно влияла на государя. А после ее кончины «...аки чюжая буря велия припаде к тишине благосердия его, и не вем како превратися многомудренный его ум на нрав яр, и нача сокрушати от сродства своего многих, такоже и от велмож синклитства своего, воистину бо сбсться еже в притчах реченое: яко парение похоти пременяет ум незлобив» [Попов, с. 183].

Относительно второй женитьбы, на Марии Темрюковне, тезис о «смирении распутства» кажется нам сомнительным. Перед нами чисто политический брак. Ведь первоначально были планы царя жениться на польской принцессе, Анне или Катерине, и дипломатам давались конкретные матримониальные поручения. Аналогичные миссии в поисках невесты выехали в Стокгольм и в Черкасы. Вряд ли для смирения сексуальных походов царя, если это было главным мотивом, надо было идти столь далеким путем, через Польшу, Швецию или Северный

² Н. М. Карамзин ссылается на рукопись ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 364. Л. 839 об.

Кавказ. Это были планы дипломатических браков, но из всех миссий сработала только самая маловажная, черкасская.

Именно в дипломатическом ключе трактует мотивы заключения второго брака Ивана Грозного поздняя «Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне» (XVII в.). В ней говорится, что Шигалей Касимовский призывал «Теврюга Юньгича», черкасского мурзу: «Покорися грозному и силному государю нашему царю Ивану Васильевичу». Мурза отвечает: «Отпиши царю своему Ивану Васильевичу: аще едиnorodную мою и прекрасную и любезную дочь Марию Теврюговну поймет за себя царицею, то с нею и до устья реки Волги, до моря, и в верх по Яику и с черкасы поклонюся ему, государю... буде-до царь Иван Васильевич поймал за себя дочь мою любезнейшую в царицу себе, аз-де Астраканью и до усть реки Волги, до моря Хвальинского и по морю улусами черкасскими, и вверх по реке Яику, и с людьми, которые во всей моей Золотой Орде черкасы горские живут, поклонюся ему и грамоту дам на всю свою державу до века» [Росовецкий, с. 32]. Повесть носит литературный характер, содержит много неточностей и ошибок и заканчивается трагически: Мария «...окормлена бысть от изменников отравою от столника Василья Хомутова с товарищи, их же царь Иван Васильевич злой смерти предаде: в котле свари. А род их весь перевешал и з женами и детми» [Росовецкий, с. 38].

Сохранилась аргументация, с помощью которой Иван просил у церкви разрешение на третий брак (1571 г.). Во-первых, «ради нужи телесныя», то есть чтобы избежать блуда. Во-вторых, детям нужна мачеха (впрочем, этот довод сомнителен: царевичу Ивану было уже 15, а Федору 12 лет – по меркам того времени уже почти взрослые юноши, сами готовые жениться). В-третьих, Иван не хочет становиться монахом («...во иночество отъити не возможе») [ААЭ, с. 329, № 284]. Последний пункт несколько неожиданно рисует нам дилемму, якобы вставшую перед царем: или жениться, или в монастырь. В обращении к церковному собору для разрешения четвертого брака (1572 г.) царь заявляет, что третья жена умерла девственницей, поэтому этот брак не считается. Первую жену отравили враги, вторая умерла от болезней. Государство находится в плохом состоянии («раздираемо и погубляемо»), и брак царя может исправить положение. Государь вновь апеллирует к малолетству детей. О его «телесных» потребностях речь более не идет. Упоминается, что Иван хотел постричься в монахи вместо четвертого брака, но просит разрешить его во имя христианства, державы, детей [ААЭ, с. 329–331, № 284].

От свадьбы с Анной Васильчиковой сохранился только разряд, нет текстов, содержащих мотивации и аргументации. В записках имперского дипломата Даниэля Принца фон Бухау говорится, что жена пятая, поэтому «большинство постоянно отрицает ее» [Принц фон Бухау, с. 28]. Перед нами иностранное свидетельство осуждения обществом многочисленности браков царя. Относительно остальных браков никаких мотиваций в источниках нет.

Ученые предлагали объяснения причин заключения браков царя в двух направлениях. Первое – желание государя завести наследника [Мартин, с. 175, 185–186, 189]. Многочисленные женитьбы царя считаются инструментом спасения правящего рода, правда, непонятно, почему же они при этом были настолько малорезультативны. Разгадка лежит, видимо, в медицинских сферах, но они с трудом поддаются реконструкции. Статистика свидетельствует, что какой-то фатальный сбой в фертильности царского рода происходит после 1560 г. Если от Анастасии у Грозного за 13 лет брака было шестеро детей, то потом за более чем 20 лет разных браков с пятью/шестью женами – двое. Царевич Иван (в браках с 1571 г.) бездетен³, у Федора в браке (1575 г.) родилась дочь Федосья (1592 г.).

³ Бездетность Ивана Ивановича может объясняться выявленным по скелету царевича третичным сифилисом [Панова, с. 137]. Третичный сифилис развивается 10–20 лет, то есть царевич мог заразиться как раз в районе первого брака (1571 г.).

Ивана IV в его одержимости продолжить династию даже сравнивали с Генрихом VIII. По словам Р. Мартина, «Московия испытала свою версию Великой проблемы короля» [Мартин, с. 243]⁴. Однако данный тезис явно базируется на оценке проблемы престолонаследия «задним числом», исходя из ситуации после 1581 г. (смерть царевича Ивана). Все шесть (семь) браков царя были заключены до 1581 г., при жизни двух полноценных наследников, царевичей Ивана и Федора⁵. Ни один из второго-шестого браков проблемы престолонаследия не решал по причине отсутствия в них детей мужского пола. Только у Марии Темрюковны родился царевич Василий, умерший во младенчестве (1563 г.).

Рождение у Марии Нагой сына Дмитрия (1582 г.) вовсе не свидетельствует, что он рассматривался Грозным как наследник престола. Напротив, Дмитрий стал последним русским удельным князем (вопрос о том, кто именно выделил ему в удел Углич – сам Иван или уже Федор, не столь существенен). Фигура царевича Дмитрия как потенциального главы государства была вознесена исключительно благодаря трагическим обстоятельствам Смутного времени: отсутствием наследника у Федора, таинственной смертью Дмитрия в 1591 г., раздуванием легенды о чудесно спасшемся от рук убийц царевиче. Если бы не эти события, реальному сыну шестой (седьмой?) жены царя, князю крошечного удела Дмитрию Угличскому было бы очень сложно бороться за московский трон.

Р. Мартин сделал любопытное наблюдение: правящие круги были заинтересованы в продолжении династии, но не обязательно от Ивана IV. И его брат Юрий Васильевич, и Владимир Андреевич Старицкий женились до того, как у Ивана родился первенец (соответственно в 1547 и 1549 гг.) [Мартин, с. 169–172]. Но линия Старицких положения не спасла: Василий Владимирович Старицкий умер в 1573 г., остальные дети Владимира Андреевича погибли вместе с ним (казнены по приказу Ивана IV), а у последней Старицкой – Марии, жены датского принца Магнуса, были только дочери. Антикняжеская политика Василия III, фактически уничтожившего боковые ветви правителей-Рюриковичей, оказалась чересчур эффективной, настолько, что династия оказалась под угрозой (и падет через несколько десятилетий). То есть проблема престолонаследников мужского пола в самом деле имела место, другой вопрос, способствовали ли многочисленные браки Ивана IV ее разрешению, – история показывает, что нет.

Исследователями выдвигается и вторая причина – «сладострастие царя» («афродитские дела», о которых писал Андрей Курбский [Переписка, с. 10]), его женолюбие [Курбский, с. 832; Мартин, с. 176] или даже содомский грех (обзор вопроса см.: [Фильюшкин, с. 278–282; Курбский, с. 831]). При этом, как христианин, он не хотел жить «во грехе», а как честный человек, обязательно должен был жениться. Оставляем открытым риторический вопрос, нужно ли было для «сладострастия» обязательно жениться. О царских оргиях с женщинами-наложницами пишут Курбский («...и девиц, глаголют, чистых четы собирающе... и нещадно чистоту их растлевающе, не удовлився уже своими пятма или шестма женами» [Переписка, с. 117])

⁴ «Великой проблемой короля» называли бракоразводный процесс английского короля Генриха VIII Тюдора и Екатерины Арагонской в 1527–1529 гг. из-за бездетности королевы. Ивана IV историки часто сравнивали с Генрихом VIII: та же проблема бездетных жен, наследников, наличие шести жен, ссоры из-за этого с церковью и т. д. Правда, справедливости ради заметим, что развод Генриха и Екатерины Арагонской больше похож на развод Василия III и Соломонии Сабуровой после долгого бездетного брака, чем на деяния Ивана Грозного.

⁵ Как считает К. Ю. Ерусалимский, легитимный статус наследника Федору Ивановичу не очень помог: вопрос о его утверждении на престоле решался в ходе московских событий 1584–1586 гг., борьбы придворных группировок [Ерусалимский, с. 243].

и иностранцы⁶. Впрочем, насколько достоверны эти свидетельства? Но дело даже не в этом – не факт, что браки приносили царю решение сексуальной проблемы. Марфа Васильевна Собакина, третья жена, умерла девственницей. Четвертая жена – Анна Колтовская – после непродолжительного брака сослана в монастырь, то же случилось с Анной Васильчиковой.

Всё это мало похоже на успешное удовлетворение «сладострастия» с данными женами, зато говорит о многочисленных сложностях в личной жизни царя. Как писал Д. Кайзер, у Ивана Грозного была «незавидная домашняя жизнь», которую отравили «несчастливые браки» [Kaiser, p. 249]. Т. Д. Панова, исследовавшая скелеты жен царя, утверждает, что у двух из них (Марии Темрюковны и Марфы Собакиной) обнаружены следы ножевых ранений в грудь, причем в случае с Марфой именно эта травма привела к смерти [Панова, с. 171–172, 186, 188–189]. То есть царицу кто-то зарезал – сам царь или кто-то из придворных, мы вряд ли когда узнаем. Страсти в царских покоях, несомненно, кипели, только вот была ли их причиной сексуальная неудовлетворенность Ивана IV? Мы тут вступаем в область фантазий и догадок, нет никаких серьезных аргументов в пользу тех или иных выводов.

В царских браках ученые также видят инструмент регулирования баланса придворных группировок. Р. Мартин считает «определяющим фактором», побудившим к женитьбе Ивана на Анастасии в 1547 г., «именно временное равновесие между фракциями при дворе» [Мартин, с. 168]. Стоит также упомянуть неоднократные попытки сватовства Ивана Грозного к иностранным принцессам (четырежды к польским, к шведским, к английской королеве, «к черкасам»). В этих примерах, из которых успешным оказалось только самое маловажное сватовство, к черкасской княжне Марии Темрюковне (1560 г.), явно виден их инструментальный характер, то есть прагматическое использование дипломатических брачных союзов. Однако для третьего-шестого браков, в которых невестами выступали представительницы сравнительно скромных дворянских родов, фактор «баланса придворных группировок» не очевиден. Женитьба на Колтовской, Собакиной, Васильчиковой вряд ли как-то влияла на роль при дворе Шуйских, Бельских, Мстиславских, Кольчевых, Шереметевых и прочих действительно авторитетных придворных фамилий

Ниже мы хотим поделиться наблюдением, на которое, насколько нам известно, еще не обращалось внимания в научной литературе. Приведем таблицу браков и периодов вдовства великих князей московских – Калитичей, царей-Рюриковичей и царей-Романовых.

Таблица 1

Браки правителей русского государства в XIV–XVII вв.

Великий князь / царь (годы правления)	Супруги (годы брака)	Периоды безбрачия
Иван Калита (1325–1340 гг.)	1) Елена Александровна (в инокинях Соломонида, ?–1331 гг.); 2) Ульяна (1332–1360-е гг.).	Около года между первым и вторым браком – в 1331–1332 гг.

⁶ «Отрядив своих приспешников в дом обвиненной женщины, приказывает насильно выхватить ее с ложа собственного мужа и доставить к себе. Если она ему понравится, он держит ее у себя несколько недель для удовлетворения своей похоти» [Гваньини, с. 82]; «Он то и дело обменивался любовницами и наложницами с сыновьями» [Одерборн, с. 195]; «Когда он опустошал владения воеводы Ивана Петровича, то в лагере у него были отборнейшие женщины, выдающейся красоты, приблизительно в количестве 50, которые передвигались на носилках... Этими женщинами он злоупотреблял для своей похоти. Которая ему нравилась, ту он удерживал, а которая переставала нравиться, ту приказывал бросить в реку» [Шлихтинг, с. 38].

О чем говорят шесть браков Ивана Грозного?

Семион Иванович Гордый (1340–1353 гг.)	1) Анастасия Гедиминовна (1333–1345 гг., в схиме); 2) Евпраксия Федоровна Дорогобужская (после марта 1345 – до февраля 1347 г.), развод; 3) Мария Александровна Тверская (1347–1399 гг.), в иноках Фотиния.	Несколько месяцев в 1345 г. и несколько месяцев в 1347 г., между браками.
Иван Иванович Красный (1353–1359 гг.)	1) Феодосия Дмитриевна Брянская (1341–1342 гг.); 2) Александра Вельяминова (1345–1364 гг.), в схиме Мария.	Три года в 1342–1345 гг., но до принятия великого княжения. Все великое княжение женат.
Дмитрий Иванович Донской (1359 г., девяти лет – 1389 г.)	Евдокия Дмитриевна Суздальская (1366–1407 гг.), вышла замуж за Дмитрия, когда ему исполнилось 15 лет.	Холостой шесть лет в начале княжения, в силу малолетства.
Василий I (1389–1425 гг.)	Софья Витовтовна, в инокинях Евфросинья. В 1386 г. помолвлена с Василием, 1387 г. – обручена, 1390 г. – вскоре после прихода к власти послал сватов, 1391 г. – свадьба. Умерла в 1453 г.	Холостой около двух лет в начале княжения, но в это время был обручен.
Василий II Темный (1425–1462 гг.), на престол 10 лет.	Мария Ярославна Боровская, в инокинях Марфа. Замуж в 1433 г., Василию 17 лет, умерла в 1485 г.	нет
Иван III (1462–1505 гг.)	1) Мария Борисовна Тверская, обручена в 1447 г. пяти лет, венчание в 1452 г., умерла в 1467 г.; 2) Софья Палеолог. Предложение о браке в 1469 г., в том же году заочное сватовство, 1472 г. – заочное обручение, в конце года – свадьба. Умерла в 1503 г.	Около полутора лет в 1467–1469 гг., до начала сватовства к Софье. И примерно столько же после 1503 г., когда был уже болен, после инсульта.
Василий III (1505–1533 гг.)	1) Соломония Сабурова (1505–1525 гг.), насильно пострижена в монастырь; 2) Елена Васильевна Глинская (1526–1538 гг.).	Около года в 1525–1526 гг., между браками.
Иван IV (1533–1584 гг.)	1) Анастасия Романовна Захарьина (1547–1560 гг.); 2) Гошанай (Кученей), в крещении Мария Темрюковна Черкасская (1561–1569 гг.); 3) Марфа Васильевна Собакина (смотрит невесты с 1570 г., брак 1571 г., умерла, не став реальной женой); 4) Анна Алексеевна Колтовская (1572 г., есть в трудах историков другие даты – до 1575 г.), пострижена в монахини;	Около года в 1560–1561 гг.; около года в 1570–1571 гг.; полгода в 1571–1572 гг. Лакуны 1572–1574, 1576–1579 гг., хотя в последнем случае, возможно, заполнена Василисой Мелентьевой.

	5) Анна Григорьевна Васильчикова (сватовство с 1574 г., свадьба 1575 г. – вскоре пострижена в монахини, умерла до 6 января 1577 г.); возможно, в 1578–1579 гг. Василиса Радилова (Мелентьева); 6) Мария Федоровна Нагая (1580–1584 гг.).	
Федор Иванович (1584–1598 гг.)	Ирина Федоровна Годунова (1577–1603 гг.)	нет
Борис Федорович Годунов (1598–1605 гг.)	Мария Григорьевна Скуратова (1571–1605 гг.)	нет
Василий Иванович Шуйский (1606–1610 гг.)	Мария Петровна Буйносова-Ростовская (1606–1626 гг.)	нет
Михаил Федорович Романов (1613–1645 гг.)	1) Мария Ивановна Хлопова, с 1616 г. нареченная невеста Михаила, до 1624 г. Умерла в 1633 г.); 2) Мария Владимировна Долгорукова (1624–1625 гг.); 3) Евдокия Лукьяновна Стрешнева (1626–1645 гг.).	1613–1624 гг., сначала малолетен, потом – невеста Хлопова.
Алексей Михайлович Романов (1645–1676 гг.)	1) Мария Ильинична Милославская (1647–1669 гг.); 2) Наталья Кирилловна Нарышкина (1671–1676 гг.)	Около полутора лет в 1669–1671 гг.
Федор Алексеевич (1676–1682 гг.)	1) Евфимия-Агафья Семеновна Грушецкая (1680–1681 гг.); 2) Марфа Матвеевна Апраксина (1682–1715 гг.)	Несколько месяцев в 1681 г.

Из таблицы следует, что русские правители, вступив на престол, практически не бывали неженатыми или вдовыми. Исключения (если не считать перерывов между браками Ивана Грозного) три: Иван III в 1467–1472 гг., но большую часть этого периода занимает его сватовство к Софье Палеолог. После смерти Софьи в 1503 г. Иван III больше не женился и умер в 1505 г. Все это время он тяжело болел и был практически недееспособен. Михаил Федорович в 1613–1624 гг. был холост, но с 1616 г. его нареченной невестой вплоть до 1624 г. была Мария Хлопова. Во всех остальных случаях интервалы от смерти жены до нового брака составляют в среднем год-полтора, что вполне соответствует пристойному времени траура по супруге.

Но тогда получается, что Ивану Грозному фатально повезло: если другим великим князьям для поддержания статуса женатого правителя на всем протяжении правления хватало одной-двух жен (три только у Семиона Гордого), то Ивану пришлось жениться шесть (или семь) раз, что делало ситуацию запутанной – ведь церковь такое количество браков не поощряла. Здесь принципиален вопрос о легитимности четвертого-шестого браков. Если они незаконные, тогда наше предположение неверно, никто не мог требовать от государя быть все время

женатым или уходить в монастырь. Если же их признавали, тогда надо продолжать попытку понять причины заключения этих браков.

В литературе распространена точка зрения, что три брака были церковью разрешены (с Анастасией Романовой, Марией Темрюковной и Марфой Собакиной). Четвертый, с Анной Колтовской, был условно разрешен, с наложением разных епитимий (А. Поссевино пишет, что Иван был лишен причастия до конца жизни [Поссевино, с. 25])⁷. А вот остальные были как бы нелегитимными. Аргументом при этом выступают постановления Стоглава [Емченко, с. 281–285] (по иронии судьбы, принятые при участии Ивана IV).

Однако Р. Мартин справедливо заметил, что «считать поздние женитьбы Ивана IV грубым нарушением канонов (и на этом останавливаться) – значит, упускать суть» [Мартин, с. 241]. Если все браки скреплялись священником (а они скреплялись), значит, так или иначе, пусть с неохотой и наложением епитимий, но в каком-то смысле (пусть не полностью в каноническом) они являлись законными. Анна Колтовская, насильно постриженная в монастырь, до своей смерти в 1626 г. считалась членом царской семьи и «бывшей царицей». Она, как и последняя жена, Мария Нагая, упоминаются в синодиках как царские жены [Мартин, с. 204, 239]⁸. Никто не отрицал их статуса. В Житии царевича Дмитрия Мария Нагая именуется «благочестивой царицей» [БЛДР, т. 14, с. 93]. Ее привозили в Москву на признание Лжедмитрия «подлинным Дмитрием» как законную супругу. Вопрос, что она «ненастоящая» жена, не ставился.

Мало того, вплоть до 1580 г., последнего брака с Марией Нагой, Иван IV для женитьбы проводил смотр невест, то есть специальное публичное действие, тесно связанное с социальной политикой. Р. Мартин правильно заметил, что смотры невест, публичные свадьбы с разрядами, венчание в церкви священником (пусть и не митрополитом, как того требовал царский статус) с первого по последний брак Ивана IV делались именно для видимости легитимности, которая достигалась через демонстративное соблюдение традиции, ритуала [Мартин, с. 242–243]. Значит, Иван Васильевич настаивал, что в глазах общества все его браки должны смотреться законными. Что, впрочем, не исключает их морального осуждения в обществе, ведь даже второй брак после развода с женой церковью считался фактически прелюбодеянием [Выпись, с. 3], а с Анной Колтовской (четвертая жена) и Анной Васильчиковой (пятая жена) царь разводился через отправку их в монастырь.

Если браки были легитимными (пусть и не совсем каноничными), то мы возвращаемся к вопросу: зачем Иван IV был женат столько раз и с маниакальным упорством заключал всё новые браки? Ведь если смотреть через призму многочисленности браков, то в морали XVI в. это не поощрялось (и есть свидетельства, что современники морально осуждали, правда, большей частью жен, а не царя). В соборном определении о разрешении четвертого брака царь дважды ставит дилемму: ему придется или жениться, или уйти в монастырь. Практика Калитичей/Романовых – не пребывать на престоле неженатыми, которая прослеживается на протяжении XIV–XVII вв., подтверждает возможность такой мотивации в женитьбах Ивана Грозного.

В нашем распоряжении нет древнерусских текстов, где правило для монарха находиться в браке было бы прямо сформулировано. В переводе византийских текстов Агапита, которые

⁷ Нам представляется, что не стоит преувеличивать наложенные ограничения. Известно, что в кремлевском Благовещенском соборе, великокняжеской домово́й церкви, в 1572 г. в южной паперти была сделана личная моле́льня государя, поскольку после четвертого брака на него была наложена епитимья, лишавшая возможности посещать храм наравне с прихожанами. Получилось персональное моле́льное место, с одной стороны – ограничение (тем более демонстративное, показывающее, как царь соблюдает слово церкви), с другой – специальное царское пространство для молитвы.

⁸ Несколько парадоксально при этом отсутствие в синодиках Анны Васильчиковой (поскольку ее свадьба точно была официальной). Неупоминание в синодиках Василисы Радиловой (Мелентьевой) свидетельствует в пользу или легендарности истории этого брака, или каких-то его особенностей, которые заставили исключить Василису из числа цариц.

для XVI в. считались наиболее концептуальным выражением идеологии царства, говорится, что воздаяние от Христа получит царь с супругницей [Агапит, л. 21], но это высказывание слишком неопределенно, чтобы считать его аргументом в пользу обязательности царского брака. Больше высказываний на эту тему в текстах по идеологии царства нам найти не удалось.

Но мы можем проанализировать социальную практику, а также ее рефлексию в источниках. Обратим внимание на образ правителя, как он рисуется в текстах XVI в. Как раз для этого времени мы имеем целый ряд памятников, содержащих этот сюжет.

В Степенной книге деяния русских великих князей (а также церковных иерархов) позиционированы как степени (ступени лестницы), по которым богоизбранный православный народ восходит по пути к Богу. Для каждого князя приводятся важнейшие характеристики и называются главные подвиги. Мы провели анализ текста Степенной книги с Ивана Калиты и до Ивана Грозного. Для всех великих князей, кроме Семиона Гордого, обязательно назван факт женитьбы (для некоторых князей грань «О женитьбе» выделяется отдельно), в ряде случаев приводятся хвалебные характеристики жен [Степенная книга, т. 1, с. 566; т. 2, с. 5, 7, 49, 71, 73, 129, 132, 218, 235, 250–251, 278, 280, 314–316, 323, 352–353]. Отсутствие жен Семиона (а их было три) выглядит несколько странным, но, с другой стороны, краткому правлению этого князя (1340–1353 гг.) в принципе уделено в Степенной всего несколько строк.

То же самое мы видим в Лицевом летописном своде, где упоминаются жены и бракосочетания: Ивана Калиты [ЛЛС, кн. 7, с. 369], Семиона Гордого [ЛЛС, кн. 7, с. 387; кн. 8, с. 9, 11, 27, 38], Ивана Красного [ЛЛС, кн. 7, с. 462; кн. 8, с. 12], Дмитрия Ивановича [ЛЛС, кн. 8, с. 330], Василия I [ЛЛС, кн. 9, с. 458], Василия II [ЛЛС, кн. 13, с. 422], Ивана III [ЛЛС, кн. 14, с. 234; кн. 15, с. 315, 409, 417], Василия III [ЛЛС, кн. 18, с. 54, 483], Ивана IV [ЛЛС, кн. 20, с. 323; кн. 23, с. 247–252].

Государева семья воплощала идею стабильности династии, ее продолжения: «...он... благоизволи христоролюбивое начало и основание положити, сице и дети его, и внуцы его, и правнуцы его... тую же мзду и славу приемлют и пребывание в роды и роды... благого же корени и отрасли благородни суще и не изрони» (Степенная книга об Иване Калите) [Степенная книга, т. 1, с. 565]. Царь – это пастырь, но пастырь невозможен без наследника [Степенная книга, т. 2, с. 316]. И. Е. Забелин подчеркнул, что жена «...должна была дать наследника царю и царству. В этом заключался главный, основной смысл ее царственного положения... Наследник мужеска пола является здесь не только корнем рода, но и корнем государства» [Забелин 1869, с. 267, 269].

Проблема наследования власти, непрерывного произрастания «царского корня» была обусловлена наличием и плодородием царского брака. Значимость проблемы можно проиллюстрировать словами из «Повести о честном житии... Федора Ивановича»: «Оттоле же той благородный корень царьский во благочестии величашеся даже и до сего благочестиваго царя Федора Ивановича всеа Русии, и вси убо Великия Росия самодержцы приемницы бываху царьского престола по отецъ своих преданию... и бе у них Росийское царьство многими леты не премоно: егда убо отецъ ко Господу отидет, тогда убо скифетръ Великия Росии по себѣ сынови своему вручает. Тогда же убо в Велицей Росии пророческое вещание яве збывашеся: «В мѣсто отецъ твоихъ быша сынове твои, уставивши их князя по всей земли»⁹. От того убо самого великого князя Владимера ни един самодержецъ Великия Росия отиде безчаден, ныне же Божиими пречистыми судьбами благочестивый царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии ко Господу отиде, грех же ради всего народа православного христианства по немъ царьского его корени благородных чад не остана, и по себе вручив скифетръ благозаконной супруге своей благоверной

⁹ Пс 44: 17.

царице и великой княгине Ирине Федоровне всеа Русии (курсив наш. – А. Ф.)» [БЛДР, т. 14, с. 67].

Здесь важен момент, что в случае «безчадия» царство переходило от мужа к жене. Видимо, здесь вариант традиции, имевшей место на Руси в XIV–XVI вв.: практики регенства княгинь-вдов при малолетних детях (подробнее см.: [Конявская, с. 121]). Но все эти негласные правила означали, что в момент смерти государя он должен был иметь жену, превращающуюся во вдову (потенциальную наследницу или регентшу). Если первая жена умерла, когда мужу было 30 лет, вторая – 39 лет и т. д., то Иван Грозный попадал в неоднозначную ситуацию: править ему еще долго, а потенциальной вдовы нет. Если он умрет, когда сыновья еще не достигнут необходимого для самостоятельного правления возраста, то кто будет регентом? Недаром в мотивации повторных браков Ивана IV так настойчиво звучит аргумент необходимости женского покровительства его сыновьям, Ивану и Федору.

Как отметил В. Жмакин, анализируя тексты XVI в., «[о]снова общества, государства и церкви есть семья, центр и средоточие семьи в свою очередь есть женщина» [Жмакин, с. 480–481]. Об этом говорит Домострой (гл. 20): «Жены ради добры блажен мужь, и число днии его сугубо, жена добра веселит мужа своего и лета его исполнит миром... Жена добра и страдолюбива и молчалива венец есть мужеви своему, обрете мужь жену свою добру износить благая из дому своего: блажен есть таковыя жены мужь, и лета своя исполняют во блазе мире; о добре жене хвала мужу и честь» [БЛДР, т. 10, с. 133]¹⁰.

Важная роль жены предполагала ее, если так можно выразиться, качество. При этом в гендерном аспекте общество было на стороне мужа. Есть притчи о злой жене, но о злом муже нет. Замена плохой жены в глазах общества была оправданной: «Некто посече жену, зане зла бе. Просящу же ему инья за ся, и рекоша ему: “Како имамъ за тя дати, а ты первую посече!” Онъ же рече: “Аще такова будет другая, то и третью посети имамъ”» («Слово о злых женах») [БЛДР, т. 7, с. 484]. Правда, Иван Грозный ни одну свою жену публично не называл «злой», хотя двух и постриг в монастырь как «неподошедших». Но внешняя пристойность, несмотря на замену жены, была соблюдена – постриг списывал грех, оставалось только сочувствие общества насильно отправленной в монастырь несчастной женщине (как в свое время соболезновали Соломонии Сабуровой).

Анализ истории браков Ивана Грозного приводит к нескольким выводам. Первый – наличие дистанции между реально происходившими событиями XVI в. (к которым у нас остается больше вопросов, чем ответов) и рефлексией этих событий в источниках и историографии. Настоящая история личной жизни и браков Ивана IV от нас скрыта, мы судим о ней по предвзятым (записки иностранцев, Курбский) и поздним (летописание) свидетельствам. Истинное содержание многих сюжетов мы, видимо, никогда уже не узнаем. Но это не значит, что их трактовку надо строить на малодостоверных и легендарных сведениях, как это часто делается и в популярной, и даже в научной литературе.

Второй – Иван Грозный со своими шестью браками попал в ловушку между традицией и несчастливим стечением обстоятельств. Монарх должен состоять в браке, мы явно прослеживаем эту социальную практику в XIV–XVII вв. Нет прецедентов, чтобы на престоле долгое время пребывал неженатый/вдовый великий князь. Такая ситуация порождала бы свои сложности: обвинения в блуде, в несоблюдении государем чистоты, в постановке морального вопроса об уходе в монастырь и т. д.

¹⁰ Этот текст восходит к Притчам Соломоновым (30: 1–31), видимо, через Слово Иоанна Златоуста «О добрых женах».

Царь должен был считаться с историческим понятием царской власти, которое формируется как раз в XVI–XVII вв. и которое, помимо политических и социальных представлений, каким должен быть монарх, включало в себя и моральные требования к нему. Причем в глазах населения моральные аспекты преобладали: в нюансах учения Агапита о царской власти дети боярские, горожане и крестьяне не слишком разбирались. Зато о царских женах и детях общество могло рассуждать, перенося на них свои представления о правильном поведении мужчины в браке и вне его.

До Ивана Грозного не было случаев, чтобы жены умирали одна за другой (три жены было только у Семиона Гордого, у остальных одна-две). Причины смертности были в особой обстановке при дворе. В какой-то степени роковую роль сыграл переход от фактически патриархального великокняжеского быта к дворцовой жизни (который произошел при постройке в Кремле дворцовых комплексов при Василии III). Это экология – средневековая медицина, недостатки питания (что следует из наличия болезней, связанных с обменом веществ, у всех жен и детей Грозного¹¹), свинцовая система водоснабжения Кремля, от труб до рукомыльника [Забелин 2014, с. 131], косметика и лекарства (которые больше травили, чем лечили). Но это и личные причины: нрав царя, таинственные ножевые ранения, подозрения в отравлении жен, которые подтверждаются медицинскими данными, и т. д. Царь Иван к супругам относился потребительски: он откровенно рассматривал женитьбу как инструмент для решения политических задач, о чем говорит поиск новых спутниц (например, сватовство к королеве Елизавете / Марии Гастингс) при живой жене (Марии Нагой).

Можно говорить, что в личной жизни Ивану Грозному фатально не везло, и повторить цитировавшиеся выше слова Д. Кайзера о «несчастливых браках царя». Но стоит вспомнить очень точное замечание И. Е. Забелина, что вся эта жизнь протекала в очень напряженном и тревожном контексте. Ей угрожала сила: «...сила тайных заговоров и козней, сила предательства, доноса, клеветы, сила всякого коварства, всякого потаенного лиха, и особенно сила лихого зелья, то есть порчи и отравы... с особенною энергиею... она была направляема против главного и непосредственного представителя самовластной идеи, против главного выразителя самовластных начал жизни и главного виновника самовластных дел... тайная, скрытая, подземная вражда и ненависть к победившему самовластью, которое, к тому же, не переставало оскорблять, унижать и всячески изводить противную себе среду, – эта-то вражда и поднимала всевозможные ковы на государя... Собирался ли государь жениться, она портила его супругу, его детей» [Забелин 1869, с. 197]. Мы оставляем открытым вопрос, насколько это были комплексы и фобии Ивана IV, а насколько реальные придворные интриги. Но комплексы и фобии несомненно были. И они отравляли сознание и человеческие взаимоотношения, вплоть до трагических исходов.

В обществе все новые и новые свадьбы воспринимались неоднозначно, ситуация была необычной и беспрецедентной. Пытаясь соблюсти традиционный образ монарха, который должен быть женат, царя – главы семьи и царя-отца, Иван Грозный, в чем парадокс, разрушал высокий образ царской власти, давал разнообразные поводы для подозрений и морального осуждения. Сомнения в нравственности царя дискредитируют институт власти больше, чем любые другие прегрешения и ошибки (вспомним историю с Григорием Распутиным и Николаем II).

В аргумент обвинения и обличения «распутного» государя в стиле Синей Бороды шесть жен превращаются сначала в источниках, исходящих от откровенных политических противни-

¹¹ См. химический анализ останков цариц, царевен и царевичей и медицинские заключения в книге Т. А. Пановой [Панова].

ков (Курбский, Одерборн и другие иностранцы), а потом в поздних русских памятниках и трудах историков, содержащих негативные оценки Ивана Грозного, развивающие «черную легенду». Настоящая история браков царя была менее «черно-белой» и гораздо более сложной, в которой царь Иван предстает не только традиционным злодеем, но и трагической фигурой неудачника, не справившегося с обстоятельствами и моралью своего века.

Источники

ААЭ. М., 1836. Т. 1. 541 с.

Агапит. Любомудрейшего Кир Агапита дьякона блаженнейшему и благочествейшему Царю Юстиниану: паче же всем праведно хотящим над страстми царствовать Главизны поучителны. Киев, 1628. 28 с. БЛДР. СПб., 1999. Т. 7. 581 с.; СПб., 2000. Т. 10. 618 с.; СПб., 2006. Т. 14. 758 с.

Выпись из государевы грамоты, что прислана к великому князю, Василию Ивановичу, о сочетании второго брака и о разлучении первого брака чадородия ради. М., 1847. 10 с.

Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. 172 с.

Емченко Е. Б. Стоглав. Исследование и текст. М., 2000. 495 с.

Курбский А. М. История о делах великого князя московского. М., 2015. 942 с.

ЛЛС – Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2014. Кн. 7 (1290–1342). 504 с.; Кн. 8 (1343–1372). 512 с.; Кн. 9 (1373–1380). 424 с.; Кн. 13 (1425–1443). 538 с.; Кн. 14 (1444–1459). 534 с.; Кн. 15 (1460–1474). 500 с.; Кн. 18 (1503–1527). 520 с.; Кн. 20 (1541–1551). 568 с.; Кн. 23 (1557–1567). 530 с.

Одерборн П. Жизнь Ивана Васильевича, великого князя Московии. СПб., 2024. 466 с.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. 454 с.

Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. 541 с.

Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. / Пер. В. И. Годовиковой. М., 1983. 272 с.

Принц фон Бухау, Даниель. Начало и возвышение Московии. М., 1877. 73 с.

Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. 364 с.

ПСРА. М., 2000. Т. 13. 310 с.

Росовецкий С. К. Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне // Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник, 1975. А., 1976. С. 27–38.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1. 596 с.; М., 2008. Т. 2. 559 с.

Шлихтинг А. Новое известие о времени Ивана Грозного. Л., 1935. 97 с.

Литература

Васильева Л. [Н.] Жены русской короны. М., 2001. Кн. 1. 414 с.

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. 539 с.

Веселовский С. Б. По поводу трилогии тов. Костылева и возникшей о ней полемике // Веселовский С. Б. Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия. М., 2008. С. 143–171.

Горский С. [Ю.] Жены Ивана Грозного. М., 1991. 63 с.

Ерусалимский К. Ю. Невесты российской власти XV–XVIII вв.: об исследованиях Рассела Мартина // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 2024. № 32. С. 220–285. DOI 10.32608/2307-8383-2024-32-220-285

Жмакин В. [И.] Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. 890 с.

Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869. 670 с.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2014. 1056 с.

Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1821. Т. 9. 472, 296 с.

Конявская Е. А. Властные функции княгинь и их владения // Русские княгини и их дворы в XI–XVI веках. М.; СПб., 2023. С. 99–134.

Любименко И. [И.] История торговых сношений России с Англией. Юрьев, 1912. Вып. 1: XVI век. 192 с.

- Мартин Р. Невеста для царя: Смотры невест в контексте политической культуры Московии XVI–XVII веков. М., 2023. 407 с.
- Морозова Л. Е., Морозов Б. Н. Иван Грозный и его жены. М., 2005. 216 с.
- Нечаев С. Ю. Иван Грозный: жены и наложницы «Синей бороды». М.; Владимир, 2010. 224 с.
- Панова Т. Д. Иван Грозный, его предки и родня. М., 2024. 384 с.
- Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. 624 с.
- Kaiser D. Symbol and Ritual in the Marriages of Ivan IV // *Russian History*. 1987. Vol. 14. P. 247–262.

References

- Erusalimskii, K. Yu. Nevesty rossiiskoi vlasti XV–XVIII vv.: ob issledovaniyakh Rassela Martina. In *Adam & Eva. Al'tanakh gendernoi istorii*. 2024. No. 32. Pp. 220–285. DOI 10.32608/2307-8383-2024-32-220-285 (In Russ.)
- Filyushkin, A. I. Andrei Mikhailovich Kurbskii: prosopograficheskoe issledovanie i germenevticheskii kommentarii k poslaniyam Andrey Kurbskogo Ivanu Groznomu. Saint Petersburg, 2007. 624 p. (In Russ.)
- Gorskii, S. [Yu.] Zheny Ivana Groznogo. Moscow, 1991. 63 p. (In Russ.)
- Kaiser, D. Symbol and Ritual in the Marriages of Ivan IV. In *Russian History*. 1987. Vol. 14. Pp. 247–262.
- Karamzin, N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Saint Petersburg, 1821. Vol. 9. 472, 296 p. (In Russ.)
- Konyavskaya, E. L. Vlastnye funktsii knyagin' i ikh vladeniya. In *Russkie knyagini i ikh dvory v XI–XVI vekakh*. Moscow; Saint Petersburg, 2023. Pp. 99–134. (In Russ.)
- Lyubimenko, I. [I.] Istoriya torgovykh snoshenii Rossii s Angliei. Yur'ev, 1912. Iss. 1: XVI vek. 192 p. (In Russ.)
- Martin, R. Nevesta dlya tsarya: Smotry nevest v kontekste politicheskoi kul'tury Moskovii XVI–XVII vekov. Moscow, 2023. 407 p. (In Russ.)
- Morozova, L. E., Morozov, B. N. Ivan Groznyi i ego zheny. Moscow, 2005. 216 p. (In Russ.)
- Nechaev, S. Yu. Ivan Groznyi: zheny i nalozhnitsy "Sinei broody". Moscow; Vladimir, 2010. 224 p. (In Russ.)
- Panova, T. D. Ivan Groznyi, ego predki i rodnya. Moscow, 2024. 384 p. (In Russ.)
- Vasil'eva, L. [N.] Zheny russkoi korony. Moscow, 2001. Book 1. 414 p. (In Russ.)
- Veselovskii, S. B. Issledovaniya po istorii oprichniny. Moscow, 1963. 539 p. (In Russ.)
- Veselovskii, S. B. Po povodu trilogii tov. Kostyleva i voznikshei o nei polemike. In *Veselovskii, S. B. Moskovskoe gosudarstvo: XV–XVII vv. Iz nauchnogo naslediya*. Moscow, 2008. Pp. 143–171. (In Russ.)
- Zabelin, I. E. Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletiyakh. Moscow, 1869. 670 p. (In Russ.)
- Zabelin, I. E. Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiyakh. Moscow, 2014. 1056 p. (In Russ.)
- Zhmakin, V. [I.] Mitropolit Daniil i ego sochineniya. Moscow, 1881. 890 p. (In Russ.)

Alexander I. Filyushkin
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

WHAT DO THE SIX MARRIAGES OF IVAN THE TERRIBLE SAY ABOUT? (ON THE QUESTION OF CONCEPTS OF TSAR POWER IN RUSSIA IN THE EARLY MODERN PERIOD)

The article examines the reasons for Ivan the Terrible's numerous marriages. It is hypothesized that the marriages were caused by the influence of ideas that a Christian ruler should not be single or widowed. The influence of these ideas about grand ducal power can be traced through the social practices of the Kalitichi, who were only married people at the time of their accession to the throne. The concepts of the matrimonial status of the tsar followed from ideas about the nature of royal power and the social practices of the 14th–17th centuries.

Keywords: Ivan the Terrible, Kalitichi, historical concepts, concept of royal power, wives of Ivan the Terrible